

Идрис Шах

Сказки в суфийском обучении

Идрис Шах

Сказки в суфийском обучении

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Шах И.

Сказки в суфийском обучении / И. Шах — «ЭННЕАГОН
ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-066-5

Надлежащее изучение историй и басен возможно лишь тогда, когда подлинная основа каждого оригинала донесена в целостности и сохранности. Человек не в состоянии изучать что-либо, не зная источника того, что он изучает; и человек не способен также изучать что-либо правильно, выстраивая свое изучение на неверной основе. В изучении, которым занимаемся мы, следует развивать свойственную человеку познавательную способность, закладывая перспективу ее роста, и исходить при этом из правильных, жизнеспособных идей, если они уже имеются в распоряжении человека; когда же такие идеи в дефиците или были неверно истолкованы — следует возвратиться к первоначальной идее. Необходимо помнить, что человеческие идеи подвержены четырем основным видам порчи, что обусловлено планетарной средой, и это затрагивает любую культуру.

ISBN 978-5-91051-066-5

© Шах И.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

1		5
	Введение к истории «Мюшкиль Гюша»	5
	Сказки и басни как форма	6
2		11
	Обучающая история: замечания о фольклорности нашего современного мышления	11
3		18
4		23
	Десять пунктов для размышлений	25
	Требования, Выдвигаемые изучением	26
	Мнение и факт	28
	Роль упражнений и техник	29
5		31
	Девять важных пунктов	31
	Заметки о вышеперечисленных пунктах	34
	Трансформация человека	37
	Конец ознакомительного фрагмента.	38

Идрис Шах

Сказки в суфийском обучении

1

Введение к истории «Мюшкиль Гюша»

Надлежащее изучение историй и басен возможно лишь тогда, когда подлинная основа каждого оригинала донесена в целостности и сохранности. Человек не в состоянии изучать что-либо, не зная источника того, что он изучает; и человек неспособен также изучать что-либо правильно, выстраивая свое изучение на неверной основе.

В изучении, которым занимаемся мы, следует развивать свойственную человеку познавательную способность, закладывая перспективу ее роста, и исходить при этом из правильных, жизнеспособных идей, если они уже имеются в распоряжении человека; когда же такие идеи в дефиците или были неверно истолкованы – следует возвратиться к первоначальной идее. Необходимо помнить, что человеческие идеи подвержены четырем основным видам порчи, что обусловлено планетарной средой, и это затрагивает любую культуру.

Вот эти виды деградации:

1. Хорошая или уместная идея в уме человека ассоциируется с факторами, которые к этой идее вообще не имеют никакого отношения.

2. Традиция может деградировать из-за недопонимания ее функции. Когда такое случается, традиция передается только частично и, таким образом, оказывается недостаточной в качестве основы для учения.

3. Традиционалистские круги одержимо сужают сферу деятельности идей вопреки весьма широкому спектру их первоначальных возможностей. В результате возникают системы мышления, в следствие чего применение идей сводится к способам идеологического внушения.

Например, общине, в виде руководства, даются принципы и практики, а в рабочей ситуации люди принимают и используют только многообещающие идеи. Остальные же концепции отвергаются. В итоге, правильные, органические идеи, вырванные из контекста, становятся основой для обустраивания людей.

4. Когда идеи, первоначально предназначенные для использования в специфических общинах, культурных сферах или школах, применяются другими общинами, то в такой неподходящей для них среде идеи эти выхолащиваются. Соответственно, общины вместо того, чтобы использовать адекватный для них комплекс идей, пережевывают идеи, предназначенные для их предшественников, пытаясь извлечь питание там, где давным-давно не осталось ничего питательного.

Сказки и басни как форма

Данная форма представляет собой одну из наиболее важных планетарных форм для сохранения идей и их передачи. Несмотря на то, что басни и сказки являются идеальными носителями космического учения, такие носители подвержены всем вышеприведенным факторам разрушения.

В нашей школе мы используем два подхода к решению этой проблемы:

1. Мы указываем на упомянутые искажения в обучающих материалах.
2. Мы восстанавливаем идеи в их первоначальной форме или же представляем другие идеи, специально предназначенные для действия в современном сообществе. С этой целью мы и предлагаем вам важную обучающую историю, которая приводится ниже.

Мюшкиль Гюша

Когда какое-то число людей собирается вместе и когда люди эти определенным образом гармонируют друг с другом, исключая возможность участия некоторых людей, приносящих дисгармонию – то это мы называем событием. Мы, однако, не имеем ввиду тот тип события, который в современных культурах обозначается тем же словом. Сегодня событием называется все, что впечатляет человека и оказывает на него субъективное воздействие. Но подобные события следовало бы называть «малыми событиями», потому что они происходят в маленьком мире, мирке человеческих взаимоотношений, которые легко завязываются, обретают некий синтез и предоставляют повод для празднования.

Реальное событие, наглядным подобием которого – ни больше, ни меньше – может являться «малое событие», есть нечто такое, что принадлежит к высшей сфере бытия.

Мы не в состоянии, используя наши земные, искусственные термины, передать реальное событие с какой-либо долей адекватной точности.

Выразить нечто, имеющее исключительную важность в высших сферах, с помощью языка литературы, науки или драмы – выразить полностью, не упустив при этом существеннейшего момента, невозможно.

И все-таки некоторые истории, при условии, что они содержат элементы из сферы высших событий (эти элементы могут показаться абсурдными, неправдоподобными или просто надуманными), способны, если при этом присутствуют определенные люди, донести до предназначенной для этого области нашего ума высшее Событие.

А почему вообще это имеет ценность? Потому что ознакомление с «высшим событием», каким бы образом такое знакомство не состоялось, дает возможность индивидууму – его уму, начать оперировать в высших сферах бытия. Примером тому является история Мюшкиль Гюши. Некоторая «незавершенность» описываемых событий, «некомпактность» сюжета, отсутствие в рассказе предвкушаемых нами моментов – все это в данном случае лишь указывает на то, что мы имеем дело с Высшей аналогией.

История Мюшкиль Гюши

Давным-давно, и вовсе не за тысячу миль отсюда, жил бедный старый вдовец-дровосек со своей маленькой дочкой. Каждое утро он уходил в горы, рубил дрова, приносил их домой и связывал в вязанки. Потом он завтракал и отправлялся в ближайший город, где продавал свои дрова, немного отдыхал и возвращался домой.

Однажды, когда он очень поздно вернулся из города, его маленькая дочь сказала:

– Отец, иногда я так мечтаю чтобы у нас была более вкусная еда и самая разная, ведь мы постоянно едим одно и то же».

– Вот что, дитя мое, – сказал старик, – завтра я проснусь гораздо раньше моего обычного времени. Я зайду в горы подальше, где деревьев побольше, и нарублю намного больше дров, чем обычно. Я раньше вернусь домой, раньше закончу вязать вязанки, потом я снесу все это в город, продам дрова, выручу побольше денег и принесу тебе разной вкусной еды.

На следующее утро дровосек поднялся до зари и ушел в горы. Он трудился, не покладая рук, заготовил много дров, освободил их от сучьев, связал в огромную вязанку, взвалил ее на плечи и двинулся к своей маленькой лачуге.

Когда он вернулся домой, было все еще очень рано. Он бросил на землю свою поклажу и постучал в дверь со словами:

– Дочь моя, доченька, открой дверь; я проголодался и меня мучает жажда; мне необходимо перекусить, прежде чем отправиться на базар. – Но дверь никто не открыл.

Дровосек был таким уставшим, что завалившись на землю возле своей вязанки, мгновенно уснул. Его дочь, забыв об их вечернем разговоре, крепко спала в своей постели. Когда через несколько часов дровосек проснулся, солнце стояло уже высоко. Он снова постучал в дверь, приговаривая:

– Дочь моя, доченька, отопри скорее! Я должен немного поесть и отправляться на рынок продавать дрова. Сейчас уже и так намного позже моего обычного времени.

Но совершенно забыв обо всем, что они обсуждали накануне, маленькая девочка, проснувшись, прибралась в доме и пошла гулять. К тому же, по забывчивости, она заперла дверь, полагая, что отец ее все еще в городе.

И тогда дровосек сказал себе:

– В город сейчас идти уже поздно, – вернусь-ка я лучше в горы да нарублю дров еще на одну вязанку; а завтра отправлюсь на базар с двумя вязанками сразу.

Весь оставшийся день старый человек трудился в горах; он рубил дрова и обрезал сучья. Когда он со своей ношей на плечах добрался до дома, был уже вечер. Он сложил дрова за домом, постучал в дверь и сказал:

– Дочь моя, доченька, отвори поскорее дверь, ибо я устал, и весь день ничего не ел. Теперь у меня вдвое больше дров, и я надеюсь продать их завтра на базаре. А сейчас мне нужно хорошенько выспаться, чтобы набраться сил.

Но ответа не последовало. Девочка, вернувшись домой, почувствовала себя такой сонной, что приготовила себе поесть и тут же улеглась в кровать. Поначалу ее очень беспокоило, что отца все еще нет дома, но потом она решила, что он, наверное, заночевал в городе.

Тут дровосек, поняв, что вновь не попадает в свой дом, сломленный усталостью, голодом и жаждой, улегся подле своих вязанок и крепко уснул. Хотя у него возникли опасения, что с его малышкой дочерью могло что-то случиться, усталость его была столь велика, что он был просто не в состоянии бороться со сном. Проснулся дровосек ни свет ни заря, продрогший, голодный и измученный жаждой.

Он сел, огляделся, но не увидел ничего. И тут с ним случилось нечто странное, ему вдруг почудилось, что он слышит голос, который сказал:

– Вставай, оставь свои дрова и иди скорее сюда. Если нужда твоя достаточно велика, а желания достаточно малы, ты будешь обеспечен вкуснейшей едой.

Дровосек встал и пошел на голос. Он шел и шел, но так никуда и не пришел.

Он еще больше продрог, еще больше проголодался, еще больше устал, да к тому же и заблудился. Надежда поманила его, да, похоже, напрасно. Тоска охватила дровосека, и рыдания подступили к горлу. Но он понимал, что плачем горю не поможешь, поэтому просто лег и уснул.

Однако, вскоре он снова проснулся. Холод и голод прогнали сон. И тогда он решил рассказать себе как бы историю про себя самого, историю всего, что случилось с ним с тех пор, как его маленькая дочь сказала, что мечтает о другой еде.

Лишь только он закончил свой рассказ, как услышал другой голос где-то у себя над головой, раздавшийся из предрассветного пространства:

– Что ты тут делаешь, старик, сидя на земле?

– Рассказываю самому себе мою историю, – ответил дровосек.

– Ну и что же это за история? – спросил голос.

Старик повторил свой рассказ еще раз.

– Ладно, – сказал голос. А затем велел дровосеку закрыть глаза и как бы ступить на ступеньку.

– Но я не вижу тут никакой ступеньки, – возразил старик.

– Все равно делай, как я говорю, – настаивал голос.

Старик сделал, как было велено. Только он закрыл глаза, как почувствовал, что уже стоит на ногах, и подняв правую ногу, ощутил под ней что-то вроде ступеньки. Он начал взбираться, словно бы по ступеням. И вдруг вся лестница целиком стала перемещаться, да притом очень быстро, а голос произнес:

– Не открывай глаз, пока не скажу.

Через несколько мгновений голос разрешил ему открыть глаза. Открыв их, старик увидел, что находится в местности, напоминающей пустыню. Солнце опаляло его жаркими лучами и повсюду лежало несметное количество камешков различных цветов: красных, зеленых, голубых и белых. Похоже, что кроме него здесь не было ни души. Он огляделся по сторонам и никого не увидел, но голос зазвучал вновь:

– Возьми себе столько камней, сколько сможешь унести. Потом закрой глаза и спускайся по ступенькам.

Дровосек в точности сделал, как было велено и, открыв глаза, опять же с разрешения голоса, обнаружил, что стоит у дверей собственного дома.

Он постучался в дверь, и дочка открыла ему. Она спросила, где он пропал, и он сбивчиво рассказал ей обо всем, что случилось. Однако рассказ его был таким запутанным, что она ничего не поняла.

Отец и дочь вошли в дом и разделили между собой последнее, что у них осталось на ужин – горсть сушеных фиников.

Когда они закончили трапезу, старику показалось, что он опять слышит голос, тот же самый голос, что велел ему подниматься по лестнице:

– Хотя ты и не знаешь этого, но своим спасением ты обязан Мюшкиль Гюше. Помни, что Мюшкиль Гюша всегда здесь. Позаботься о том, чтобы каждый четверг вечером ты съедл несколько фиников, угощал ими любого нуждающегося и рассказывал при этом историю о Мюшкиль Гюше. Если же встретишь того, кто помогает нуждающимся, одари его чем-нибудь от имени Мюшкиль Гюши. Постарайся, чтобы история о Мюшкиль Гюше никогда, никогда не была забыта. Если ты будешь это исполнять и то же самое будут исполнять те, кому ты расскажешь эту историю, все, кто испытывает реальную нужду, всегда будут находить свой путь.

Дровосек сложил все камешки, которые он принес из пустыни, в углу своей лачуги. По виду это были самые обыкновенные камни, и он не знал, что с ними делать.

На следующее утро он взвалил на себя две огромные вязанки дров и отправился на базар, где быстро продал их по очень выгодной цене. Домой же он принес самой разной и вкусной еды, которую его дочь никогда до этого не пробовала. Когда они закончили трапезу, дровосек сказал:

– А теперь я расскажу тебе всю историю о Мюшкиль Гюше. Мюшкиль Гюша – «избавитель от всех бед». Наши трудности были устранены благодаря Мюшкиль Гюше и мы всегда должны это помнить...

Прошла почти неделя после всех этих событий. Дровосек продолжал свою обычную жизнь: он уходил в горы, приносил оттуда дрова, завтракал, относил дрова на базар и продавал их там. Он всегда легко находил себе покупателя.

Наступил следующий четверг, и, как это часто случается с людьми, дровосек забыл повторить рассказ о Мюшкиль Гюше.

Этим вечером случилось так, что в доме его соседей погас огонь. Им нечем было вновь развести его, и они пошли к дровосеку и позвали его:

- Сосед, дай нам огня от тех чудесных ламп, что светят в твоём окне.
- О каких это лампах вы толкуете? – спросил дровосек.
- Выйди наружу и посмотри сам, – сказали соседи.

Дровосек вышел из дома и, конечно же, увидел в своем окне переливающиеся яркими красками огни.

Вернувшись в дом, он понял, что свет исходит от той самой кучки камешков, лежащих в углу. Но камни излучали холодный свет, и от них невозможно было зажечь огонь. Поэтому дровосек вышел к соседям и сказал: «Соседи, прошу прощения, но огня у меня нет», – и захлопнул дверь у них перед носом. Соседи обиделись и, недовольно ворча, вернулись к себе. На этом они покидают нашу историю.

Боясь, что кто-нибудь узнает, какими сокровищами они владеют, дровосек с дочерью быстро прикрыли сверкающие камни тряпьем, насобирав его по всему дому. На следующее утро они снова открыли камешки и увидели, что это были драгоценные самоцветы.

Тогда они стали относить по камешку, один за другим в близлежащие города и там продавали их по огромной цене. В скором времени дровосек решил построить для себя и своей дочери прекрасный дворец. Они выбрали участок земли прямо напротив королевского замка. И в кратчайшие сроки необыкновенно величественное здание было возведено.

А у короля той страны была красавица-дочь. Однажды утром, проснувшись и выглянув в окно, она увидела сказочный замок, выросший напротив их собственного и, немало удивившись, спросила слуг:

– Кто выстроил этот замок? Кто посмел возвести столь грандиозное здание прямо у нас под окнами?

Слуги пошли разузнать в чем дело, и вернувшись, рассказали принцессе все, что им удалось выяснить.

Тогда разгневанная принцесса послала за дочкой дровосека, но стоило двум девочкам встретиться и поговорить друг с другом, как они тут же подружились. С этого дня они стали встречаться каждый день, играя и купаясь в потоке, где по велению короля была устроена купальня для принцессы. Через несколько дней после первой их встречи девочки снова затеяли купание. Перед тем, как войти в воду, принцесса сняла с себя прекрасное драгоценное ожерелье и повесила на ветку дерева, свисающую над водой. Выйдя из воды, она забыла снять ожерелье с ветки, а придя домой обнаружила пропажу и решила, что потеряла свою драгоценность.

Немного подумав, принцесса заподозрила в краже дочь дровосека. Принцесса рассказала об этом отцу, и тот приказал арестовать дровосека. Он конфисковал его замок и все его имущество. Старика бросили в тюрьму, а дочь отправили в приют.

По обычаям той страны дровосек, отбыв положенный ему срок тюремного заключения, был выведен на главную площадь и прикован к столбу. На шею ему повесили табличку с надписью «Так будет с каждым, кто крадет у короля».

Поначалу люди толпились вокруг, глумились над стариком и бросали в него чем попало. Он был очень несчастен.

Но вскоре, как это часто бывает с людьми, все привыкли к виду старика у позорного столба, и перестали обращать на него внимание. Иногда люди бросали ему объедки, а иногда просто проходили мимо.

Однажды он услышал, как кто-то сказал, что наступил полдень четверга. И тут ему пришло в голову, что приближается вечер Мюшкиль Гюши, избавителя от всех бед, а он так давно не вспоминал о нем. Стоило старику только подумать об этом, как один сердобольный прохожий бросил ему монетку. Дровосек окликнул его: «О, великодушный друг, ты дал мне денег, но я не смогу ими воспользоваться. Вот если, по доброте своей, ты купишь один или два финика, вернешься назад, сядешь рядом и разделишь их со мной, я буду тебе бесконечно признателен».

Прохожий ушел и вскоре вернулся с горстью фиников. Они сели и поели. Когда они закончили есть, дровосек рассказал этому человеку историю о Мюшкиль Гюше. «Ты, должно быть, спятил», – сказал великодушный прохожий. Однако сам он был отзывчивым по натуре человеком, у которого своих собственных трудностей было предостаточно. Когда после этой встречи он пришел домой, то вдруг обнаружил, что все его трудности разрешились сами собой. Это заставило его всерьез задуматься о Мюшкиль Гюше. Но здесь он покидает нашу историю.

На следующее утро принцесса вернулась к месту своего купания. Она уже готова была войти в воду, как вдруг ей показалось, что на дне лежит что-то, похожее на ее ожерелье. Собираясь нырнуть за ним, она неожиданно чихнула. Когда же, чихая, девочка запрокинула голову, то поняла, что в воде видела лишь отражение ожерелья, а само оно висит на ветке дерева, где она его когда-то оставила. Сняв ожерелье, принцесса, взволнованная, прибежала к отцу и рассказала о случившемся. Король повелел освободить дровосека и принести ему публичные извинения. Его маленькую дочку вернули из сиротского дома, и с тех пор счастье не покидало их никогда.

Это только некоторые случаи из истории о Мюшкиль Гюше. Сама история очень длинная и она никогда не кончается. У нее много вариантов. В некоторых из них она даже не называется историей о Мюшкиль Гюше, так что люди не узнают ее. Но именно благодаря Мюшкиль Гюше историю эту, в том или ином виде, в том или ином уголке мира, где бы ни жили люди, днем или ночью кто-нибудь обязательно вспомнит. Эта история повторялась из поколения в поколение и будет повторяться впредь.

Будешь ли и ты рассказывать историю Мюшкиль Гюши вечерами по четвергам и помогать работе Мюшкиль Гюши?

2

Обучающая история: замечания о фольклорности нашего современного мышления

Нет народа и человеческого сообщества, не имеющего собственных сказаний. На волшебных сказках воспитывают детей, культы и религии опираются на них, вырабатывая нравственные нормы; их используют для развлечения и обучения. Обычно их классифицируют как мифы, анекдоты, полуисторические факты и т.д., в соответствии с мнениями людей об их происхождении и назначении.

Но часто сказание можно использовать именно для того, для чего оно и было изначально задумано. Поистине замечательным тому примером служат притчи или басни всех народов, поскольку, если подходить к ним с формальной точки зрения, они являются поразительными свидетельствами непрерывно действующего живого учения. Поскольку эти произведения волновали воображение людей и доставляли им удовольствие, их передавали из уст в уста, благодаря чему они и сохранились, переходя от поколения к поколению, как высоко ценимое наследие.

В наши дни мало кто способен извлечь из них необходимую пользу. Те, кто знают про высший уровень бытия, отраженный в сказаниях, могут чему-то научиться, впрочем, немногому. Те же, кто способны воспринимать этот уровень на собственном опыте, могут научить правильному подходу к подобной литературе и другим людям. Но, прежде всего, в качестве рабочей гипотезы нам следует выдвинуть предположение, что такой уровень в сказаниях действительно может существовать. К ним необходимо подойти с определенной точки зрения и допустить, что на этом уровне данные документы содержат особую, так сказать «техническую» ценность, а именно древний и, тем не менее, незаменимый способ систематизации и передачи знания, которое не может быть выражено никаким иным путем.

В этом смысле, такие рассказы (потому что не все истории относятся к техническим пособиям) можно рассматривать как часть курса обучения и настолько же достоверное отображение фактов, как любая математическая формула или учебник в любой области науки.

Как в случае с учебником или математической формулой, для того, чтобы «высший смысл» подобных историй мог проявиться, необходим тот, кто способен понять их на высшем уровне, тот, кто может доказать их ценность для образовательного процесса, а также должны быть люди, готовые изучать их и применять.

Теперь мы легко увидим, что наша обусловленность, которая приучила нас обращаться к историям ради одной только забавы, препятствует серьезному изучению данной литературы как носителя высшего учения. Эта тенденция, эта склонность рассматривать все важное для человека на более низком уровне, чем тот, на котором оно действительно, пронизывает нашу науку и требует обратить на себя внимание.

Тем не менее, кое-где все же уцелели предания об этих сказках. Говорят, что некоторые сказания, если их повторять, приносят «удачу», что в других содержится ныне забытый смысл, и т.д. Но то, что на современном языке назвали бы «защитными свойствами» сказаний, действует для жанра «обучающей истории» почти безотказно благодаря совсем иному фактору, чем принято считать.

Причина эта – действие закона, согласно которому история, как и научно-техническая формула, может способствовать обучению и развитию только того человека, который должным

образом подготовлен для ее понимания. Вот почему мы должны применять обучающие истории так, чтобы извлечь из них пользу в определенной ситуации.

Есть и другая проблема, которую нужно учитывать, имея дело с обучающими историями. В отличие от научных формул, в них заключен целый диапазон развивающих эффектов. Соответственно степени подготовки индивида и группы поочередно выявляются разные «слои» обучающей истории. Маловероятно, чтобы бессистемное изучение историй вне надлежащей школы, где правильно понимают метод применения историй и их смысл, принесло заметную пользу.

Но, чтобы ознакомиться с основами, подготовить себя к осознанию ценности истории, нам нужно вернуться на еще более раннюю стадию. Это та стадия, на которой мы можем осваивать историю, рассматривая ее как последовательную и продуктивную аналогию или аллереорию определенных ментальных состояний. Персонажи истории – это ее символы. Их поведение формирует в нашем сознании представления о том, каким образом может действовать психика человека. Поняв это на примерах мужчин и женщин, животных и стран, фабулы и сюжета повествования, мы можем открыть пути к высшим способностям сознания, работая на более низком уровне, на уровне визуализации.

Давайте рассмотрим с этих позиций несколько поучительных историй. Возьмем для начала историю «Слон во тьме».¹ Когда-то ее даже печатали в детской книжке. Она появляется в произведениях Руми и Санаи. Мы сделали ее темой рекламного фильма «Изучение кожного покрова». Эта история, если понимать ее на самом низком из возможных уровней, высмеивает ученых и теоретиков, пытающихся объяснить вещи на основе тех данных, которые они могут оценить, и никаких иных. С другой стороны, но все на том же уровне, это – юмористическая история, поскольку она заставляет нас смеяться над глупостью людей, действующих на основании столь скудных свидетельств. В качестве философской притчи она учит нас, что человек слеп и пытается оценить нечто слишком великое, чтобы судить о нем с помощью неадекватных средств. С точки зрения религии, она говорит о том, что Господь Бог вездесущ, а человек дает разные имена тому, что он воспринимает как обособленные вещи, которые, на самом деле, представляют собой части великого целого, но он не способен этого постичь, поскольку «слеп» или потому что «нет света».

Истолкования могут завести очень далеко и высоко – это зависит от ваших возможностей. Поэтому люди рассматривают данную историю в свете одного или нескольких ее толкований. Затем они принимают или отвергают их, после чего успокаиваются, ведь они пришли к определенному мнению. Их ответы обусловлены привитым образом мысли. Но давайте посмотрим на их ответы. Одни скажут, что это пленительная и трогательная аллегория Божественного присутствия. Другие скажут, что она показывает, насколько глуп человеческий род. Третьи – что она направлена против схоластики. Еще кто-то – что это просто анекдот, списанный Руми у Санаи; и т.д. И все потому, что никто из этих людей не отведал скрытого содержания, никто даже не заподозрил, что оно существует. Прочитав эти слова, заурядный ум без труда сумеет от них отмахнуться, дескать, вот, кто-то дает изощренное объяснение, которое невозможно проверить.

Но мы здесь не для того, чтобы оправдываться. Мы здесь для того, чтобы распахнуть двери сознания перед возможностью того, что истории могут быть обучающими документами. Мы должны объяснить, что этими документами можно воспользоваться. И, в первую очередь, мы здесь для того, чтобы сказать, что самое древнее и самое важное знание, доступное человеку, частично содержится в этих документах. И форма этого знания, какой бы примитивной

¹ Несколько слепцов, или зрячих людей в темном доме, пробираясь наощупь, находят слона. Каждый касается одной его части; каждый по разному описывает друзьям, оставшимся снаружи, то, что он воспринял. Некоторые думают, что это был веер (уши животного), другой принял ноги за столбы; третий хвост за веревку, и т.д.

или старомодной она ни казалась, – возможно, единственный носитель, способный запечатлеть, сохранить и передать некоторые учения. Кроме того, обучающие истории – это произведения сознательного искусства, созданные людьми, которые точно знали, что делали и делали это ради пользы других людей, которые, в свою очередь, знали, как этими историями можно пользоваться.

Заурядному мыслителю необходимо время, чтобы понять, что если он ищет истину и некое тайное учение, то они могут быть скрыты в такой форме, которую он, возможно, сочтет наименее вероятным носителем того, что он ищет.

Но чтобы овладеть этим знанием, ему придется почерпнуть его там, где оно действительно находится, а не там, где оно могло бы быть, согласно его представлениям.

Есть множество свидетельств того, что этот метод – специально придуманных и передаваемых из уст в уста рассказов – существует во всех культурах. Не обязательно ограничиваться восточными сказками. Но именно в историях восточного происхождения мы находим наиболее полные и наименее испорченные образцы этого традиционного жанра. С них мы и начнем. Они естественным образом приведут нас к важным документам западной и других ветвей данной традиции.

Итак, приступая к изучению обучающих историй, мы должны убедиться, что восприняли содержащуюся в них информацию, так сказать, их «посыл». В этом смысле мы напоминаем людей, чья технология пришла в упадок, и они заново открывают механизмы, использовавшиеся их предками, разумеется, когда могут справиться с подобной задачей. Затем нам предстоит осознать, что мы должны полностью освоиться с определенными историями, чтобы держать их в уме, подобно заученной формуле. В таком употреблении, обучающая история напоминает прием мнемотехники или формулу, которой мы пользуемся как шпаргалкой, помогающей нам в вычислениях, вроде того, как мы повторяем про себя: «Сера, сера, сера, S, 32 атомный вес...»; или даже «В сентябре 30 дней...».

Теперь нужно понять, что, поскольку мы имеем дело со специфической формой знания, которая должна применяться определенным образом в определенных условиях, то такие условия необходимо обеспечить. Иначе мы не сможем воспользоваться ею логически последовательно. Под словами «логически последовательно» я подразумеваю, что истории должны служить нам проводником, с помощью которого можно проделать некий путь через доступные нам сферы сознания.

Это значит, что мы должны не просто познакомиться с определенными историями; мы должны изучать их или даже просто осваиваться с ними в определенном порядке. Эта мысль встречает противодействие у образованных людей, привыкших к самостоятельному чтению, и пришедших к выводу, что чем больше читаешь, тем, вероятнее всего, будешь больше знать. Но подобный количественный подход нелеп, когда имеешь дело со специальным материалом. Если бы вы отправились в библиотеку Британского Музея, решив перечитать все книги в целях самообразования, вы бы далеко не ушли. Только невежда, в буквальном смысле этого слова, не понимает, что во всем необходима соответствующая специализация. Хорошей иллюстрацией может служить швейцар в клубе, однажды, со всей серьезностью, сказавший мне: «Сэр, вы образованный человек, объясните же мне, за счет чего меняются цифры на табло футбольного тотализатора».

Именно для того, чтобы реализовать некую возможность правильного изучения, я то и дело подстегиваю людей фразами, вроде: «Давайте слезем с деревьев и начнем строить».

Итак, все, что мы сказали, сводится не более чем к следующему:

1. В некоторых материалах содержится особое, действенное и чрезвычайно важное учение. В данном случае, таким материалом служат истории.

2. Нам необходимо допустить такую возможность, прежде чем можно будет приступить к изучению этого знания.

3. Приняв, пусть всего лишь в качестве рабочей гипотезы, вышеизложенные утверждения, мы должны найти эффективный способ организации обучения. В случае обучающих историй эффективный способ означает выбор правильных историй, правильным образом, в правильных обстоятельствах.

Несоблюдение этих принципов лишит нас возможности действовать на необходимом нам высшем уровне. Если, например, мы просто выучим много историй, мы можем стать рассказчиками или потребителями. Если мы удовлетворимся наставлениями морального или социального характера, которые извлечем из истории, то будем просто дублировать деятельность людей, занятых в этой сфере. Если начнем сравнивать истории, пытаясь понять, где их высший уровень, мы его не найдем, потому что не будем знать, если только нам не укажут, какие из историй нужно сравнивать между собой, при каких условиях, что искать, можем ли мы воспринять скрытое содержание, в каком порядке подходить к предмету.

Итак, обучающая история наряду с другими функциями остается инструментом. Только специалист знает как применять инструмент или производить с его помощью нечто стоящее.

Выслушав и приняв данные положения, люди всегда начинают проявлять нетерпение. Они хотят тут же приступить к делу. Но не зная, что «все требует минимального времени», или, по меньшей мере, не руководствуясь этим фактом, они лишают себя возможности реального прогресса.

Приведя в систему вышеизложенные факты, мы должны тщательно разработать программу обучения, которая даст нам возможность извлечь пользу из поразительного по своему охвату материала. Если вы приступите к изучению того, что считаете обучающими историями без должной разборчивости, результат, скорее всего, будет незначительным. Почему так?

Не только потому, что вы не знаете условий, в которых должно происходить изучение, но и потому, что сами условия требуют такой сосредоточенности, которая, на первый взгляд, не имеет никакого отношения к знакомству с литературной формой.

Значит, нам нужно поработать над своим сознанием, чтобы не только представить ему эти истории, но и дать возможность извлечь из них пользу. Эта «работа» над сознанием может протекать правильно только в живой ситуации, когда соответствующих людей определенным образом группируют и они стремятся в своих взаимоотношениях достичь некоего контакта весьма специфического свойства. Вот в чем смысл собраний, на которых люди присутствуют физически.

Если прочесть два предыдущих абзаца торопливо или предвзято, что нередко свойственно интеллектуалам, но не мыслителям, то в них можно усмотреть претензии на исключительность, которых, в действительности, там нет.

Это уже само по себе представляет собой довольно интересный и ободряющий симптом нынешней фазы интеллектуального фольклора. Почему так? Да потому что, если мы явно видим какую-то тенденциозность, проявляющуюся в физике, схоластике или метафизике, то мы на пути к ее преодолению. В чем выражается тенденциозность в нашем случае?

В том, что люди требуют обосновать некоторые заявления *именно в тех терминах, в которых они были сформулированы*. Скажем, акцент, сделанный мною на роли собраний, где люди сгруппированы определенным образом, можно легко (и некорректно) счесть заявлением о том, что тип обучения, на который я ссылаюсь, не может осуществляться никак иначе. В абзаце же просто указана одна конкретная форма, в которой может реализоваться так называемая «жизненная ситуация». Собрание множества людей в одной комнате – лишь форма подобной ситуации, хоть в какой-то степени знакомая среднему читателю подобной литературы.

Словом «фольклор» я воспользовался для того, чтобы указать на состояние души современного человека, сходное с тем, что мы видим в менее развитых сообществах. Однако между

двумя типами фольклора есть и большое различие. В наивном фольклоре человек может верить, что определенные объекты имеют магические или особые свойства, и он более или менее знает, какими могут быть эти свойства.

В фольклоре современного человека все обстоит иначе: он верит, что определенные положения неизбежно абсурдны, и при этом, сам того не ведая, слепо придерживается других необоснованных предположений. Фактически, почти все его поведение обусловлено скрытыми предрассудками.

Чтобы наглядно показать действие таких предубеждений, бывает необходим «шоковый» стимул.

Такой стимул присутствует как среди вышеприведенных утверждений по поводу обучающих историй (потому, и только потому, что некоторые сведения о них утеряны обществом, к которому я обращаюсь), так и, не менее выпукло, в конструкции самих этих историй, если удастся взглянуть на них в некоем структурном аспекте.

Приведенные ниже соображения обеспечивают нас наглядным примером относительной раздробленности сознания современных людей. Вот этот пример:

Хотя каждодневный опыт каждого обитателя нашей планеты независимо от уровня его культуры и общества доказывает, что у всякой вещи может быть множество применений, функций и смыслов, человек не переносит данный опыт на те случаи, которые – в силу какой-то мистики – он считает не подпадающими под это правило. Иными словами, человек может признавать, что у апельсина есть цвет, аромат, пищевая ценность, форма, фактура и т.д., и с готовностью согласится, что апельсин может иметь множество назначений в зависимости от того, с какой целью его желают использовать, зачем его рассматривают и что с ним делают. Но если вы рискнете предположить, что, скажем, обучающий рассказ имеет столь же широкий диапазон функций, фольклорный механизм оценки в нашем современнике заставит его сказать: «Нет, сказки существуют для развлечения», или, что-нибудь запутанное: «О да, конечно. А о каком функциональном назначении вы говорите: психологическом, социальном, антропологическом, философском?»

Никто ему не сказал, что существуют или могут существовать такие эффективные функции сказок и в таких сферах, которых он, возможно, еще не достиг или о которых не слышал, и даже не может воспринять их или хотя бы связно обсуждать, пока в его сознании не произойдет некий фундаментальный информационный процесс.

На подобные заявления можно услышать готовый ответ: «Вы умничаете». Тут стоит напомнить, что так ведут себя растерянные школьники, столкнувшись с чем-то, чего они не могут рационально объяснить или полностью понять.

Сказание о чае

В древние времена чай не был известен за пределами Китая. Слухи о чае дошли до мудрецов и до невежд из других стран, и все пытались представить себе, что это такое либо в соответствии с тем, чего каждому хотелось, либо в соответствии с тем, каким чай мог быть, по их мнению, сам по себе.

Король Инджа («Здесь») снарядил в Китай посольство, которое получило в подарок от китайского императора чай. Но обнаружив, что его пьют даже простые крестьяне, послы пришли к выводу, что он недостоин их царственного господина. К тому же они заподозрили, что китайский император вполне мог обмануть их, подсунув вместо небесного напитка что-нибудь совсем другое.

Величайший философ из Анджа («Там») собрал все, какие мог, сведения о чае и пришел к выводу, что эта субстанция действительно существует, но весьма редка и принадлежит к

неизвестному порядку вещей. Ибо, разве не определяли его как: трава, вода, зеленый, черный, иногда горький, иногда сладкий?

В странах Кашиш и Бебенев люди столетиями исследовали и испытывали все травы, какие только им попадались. Многие из трав оказывались ядовитыми, что весьма их разочаровывало. Поиски этих людей не увенчались успехом, потому что в их страны никто, никогда так и не завез чайных кустов. Эксперименты же со всевозможными жидкостями тоже не дали результата.

На территории Мазхаба («Сектантство») процессия жрецов при исполнении религиозных обрядов провозила перед толпой верующих ларчик, наполненный чайным листом. Но никому и в голову не приходило попробовать чай, да никто и не знал как к этому подступиться. Все были убеждены, что чайный лист сам по себе обладает магическими свойствами. Случилось как-то, что один мудрый человек, оказавшийся поблизости, воскликнул: «Вы, невежды! Залейте его кипятком!». Мудреца тут же схватили и распяли, потому что согласно их вере, такое обращение с чаем могло нанести ему непоправимый вред. Стало быть, человек этот был явным врагом их религии.

Перед смертью мудрец раскрыл секрет приготовления чайного напитка небольшому кругу людей. Этим людям удалось достать немного чая, и они тайно пили его. Какой-то человек, застав их за чаепитием, спросил:

– А чего это вы тут делаете?

На что ему ответили:

– Мы готовим лекарство, которым лечимся от одной болезни.

И такая ситуация создалась повсеместно. Некоторые выращивали чайные кусты, но не знали, что это и есть чай. Других угощали чаем, но они отказывались, сочтя этот напиток пригодным лишь для примитивных людей. Третьи владели чаем, но лишь поклонялись ему. За пределами Китая только несколько человек пили чай, да и то в строгой тайне.

Но вот пришел человек знания и сказал чайным купцам, любителям чая и всем остальным:

– Перестаньте болтать о небесном напитке, лучше угощайте им своих гостей на пирах. Те, кому он понравится, попросят еще. Те же, кому он придется не по вкусу, покажут, что недостойны сделаться его почитателями. Закройте двери красноречия и таинственности и откройте чайхану опыта.

Итак, чай стали развозить от стоянки к стоянке на всем протяжении Шелкового Пути; и всякий купец, вез ли он нефрит, драгоценные камни или шелк, останавливаясь на отдых, непременно заваривал чай и предлагал его всем, кто оказывался поблизости – не важно слышали они когда-нибудь о чае или нет. Так появились чайханы и чайные дома, которые вырастали на всем пути от Пекина до Самарканда и Бухары. И те, кто пробовали – знали.

Поначалу, заметьте, только великие авторитеты, претендующие на звание мудрецов, занимались поисками небесного напитка, и именно они восклицали: «Но ведь это обыкновенная сушеная травка!» или «Почему ты кипятишь воду, чужеземец? Ведь я пришел к тебе за небесным напитком!» – или же говорили: «А почему я знаю, что это на самом деле?! Докажите, что это чай! Да и цвет вашей жидкости вовсе не золотой, а коричнево-желтый».

Когда же истина, наконец, стала известной, и чай стал доступен всем, кто хотел его испробовать, поменялись и роли людей; и теперь лишь те, кто повторяли слова великих авторитетов, остались в полных дураках.

Такое положение вещей сохраняется и по сей день.

Почти все народы упоминают различные напитки в качестве аллегории, связанной с поиском высшего знания.

Кофе – самый новый из общественных напитков был открыт дервишским шейхом Абу Аль-Хасаном Шадхили в Мокхе (в Аравии).

Хотя и суфии, и другие вполне определенно заявляют, что «магические напитки» (вино, вода жизни) являются аналогией определенного специфического опыта, люди, буквально мыслящие, склонны верить, что происхождение подобных мифов датируется временем открытия галлюциногенных и опьяняющих свойств некоторых напитков. По мнению дервишей, подобные представления отражают неспособность исследователей понять, что дервиши пользуются аналогиями.

Сказание это взято из учений мастера Хамадани (умер в 1140 г.), учителя великого Ясави из Туркестана.

3

Шарик марципана

Однажды халиф Харун аль Рашид беседовал со своим учителем.

– Учитель, – сказал он, – ты знаешь, что я Искатель. В моем распоряжении – все лучшее, что есть в этом мире; мне принадлежит то, за что в этой жизни борется большинство людей. Это значит, что я свободен от многих забот, которые отвлекают остальных людей от главного.

– Все должно иметь под собой основу, – ответил учитель. – У тебя есть основа для власти, для того, чтобы распоряжаться людьми, для того, чтобы жить в свое удовольствие. Но когда человек лишен сущностной основы, он не только не может чего-либо создавать, как это можешь делать ты, но часто думает, что у него уже есть подобная основа.

– В таком случае, – сказал халиф, – научи меня основному.

– Прежде всего, я обучу тебя как правильно понимать необходимость в самой основе, иначе ты не примешь от знающих факт существования этой основы.

Учитель отказался продолжать беседу, потому что учение, обещанное им халифу, можно передавать только, когда соответствующие обстоятельства предлагают себя в качестве иллюстрации.

Случай же этот имел место за несколько лет до того, как необходимые обстоятельства, наконец, сложились.

Халиф и мудрец как-то вместе ужинали, и Харун сказал:

– Вот такая знаменитая сладость как марципан представляется мне прекрасным примером того, как человеческие открытия, если они действительно полезны, распространяются по всему миру, принося пользу каждому.

– О халиф, – сказал мудрец, – прошло уже несколько тысяч лет с тех пор, как был изобретен марципан. И все же, далеко не все убеждены в совершенстве этого десерта, а многие и вовсе о нем не слышали.

Халиф, раздраженный тем, что его словам был брошен вызов в такой откровенной форме, отпарировал:

– Даю тебе один день на то, чтобы ты доказал свое безответственное замечание. Найди мне хоть одного человека, кто не знает о марципане и к завтрашнему вечеру приведи его сюда, иначе навсегда лишишься моего общества!

– Я сделаю, как ты велишь, – сказал мудрец, – но не из страха перед твоей угрозой, а потому что это может нам кое-что показать.

На следующее утро учитель отправился бродить по улицам Багдада, пока не повстречал какого-то бедно одетого крестьянина, в растерянности слоняющегося по городу и сжимающего в руках ломоть хлеба.

Мудрец обратился к нему со словами:

– Куда ты идешь и откуда?

– Ну, ты не очень-то! – резко ответил человек. – Таких как ты, норовящих выхватить чужой хлеб, я насквозь вижу!

– Все наоборот, – сказал мудрец, – я как раз хотел угостить тебя чем-то вкусным, тем, что гораздо лучше хлеба.

– И с чего это ты так расщедрился? – спросил человек.

– Я хочу помочь тебе узнать кое-что новое и, заодно, помочь другому человеку, – ответил мудрец.

После долгих уговоров мудрецу все-таки удалось привести этого человека во дворец. Когда же крестьянин увидел стражников в великолепных одеждах, визирей и мраморные фонтаны, он распростерся ниц и воскликнул:

– Воистину – только одним это может быть временем и только одним единственным местом! Это день воскресения, и я нахожусь в зале суда Всемогущего Бога!

– Хотя ты и судишь из лучших побуждений, но ты не прав, – сказал ему мудрец. И еще многое другое сказал он ему, но тот в полном ошеломлении только глядел на мудреца ничего не понимающими глазами.

Когда они уселись за спиной халифа, мудрец объявил, что привел человека, который никогда ничего не слышал о марципановых шариках.

– Мы его испытаем, – сказал халиф, и развернувшись к крестьянину, спросил его, – Что у тебя в руке?

– Еда, – ответил крестьянин.

Халиф подал знак, и им принесли несколько шариков марципана.

– А это что такое? – спросил халиф.

– Это нечто питательное, – подсказал мудрец.

Крестьянин же ответил:

– Мудрый человек в нашей деревне, когда говорит о питательном, называет три вещи: финики, воду и опыт. Финики и воду я видел, значит это, должно быть, – опыт.

Тогда поднялся мудрец и сказал:

– О халиф! Человек, прибегает к основам мудрости, как они были переданы ему в его деревне, чтобы объяснить то, что он просто не в состоянии понять без дополнительных объяснений и опыта. У него нет реальной нужды в марципане. Если бы он и в самом деле нуждался в нем, мы должны были бы дать ему больше информации, больше основ для понимания.

Таким же образом цивилизованному и искушенному человеку нравится что-то или нравится обещание чего-то, что может быть выращено только на определенной почве, которой он лишен, или не замечает в своем окружении.

Семеро братьев

Давным-давно жил на свете мудрый человек, у которого было семеро сыновей. По мере того как они подрастали, отец учил их всему, чему мог, но не успел он завершить их образование, как некие его предчувствия поставили вопрос их безопасности на первое место. Мудрец понял, что их стране угрожает катастрофа. Юноши были безрассудно храбрыми, так что он не мог полностью открыться им. Он знал, что если сказать прямо: «Надвигается катастрофа», они ответят: «Мы останемся здесь с тобой и встретим ее все вместе».

Поэтому отец объявил своим сыновьям, что возлагает на них определенную миссию и для ее исполнения они должны тотчас же покинуть дом. Первого сына он послал на север, второго – на юг, третьего – на запад, четвертого – на восток. Остальных трех сыновей отец послал в неизвестные места.

Как только сыновья ушли, мудрый родитель, при помощи своего особого знания, перенесся в далекую страну, чтобы продолжить работу, прерванную в связи с воспитанием сыновей.

Выполнив все, что им поручил отец, первые четыре сына вернулись на родину. Отец так точно рассчитал время, необходимое для выполнения его поручений, что в период катастрофы молодые люди вдалеке занимались своим делом, пока возвращение на родину не стало для них безопасным.

В соответствии с данными им указаниями сыновья вернулись на место, которое знали в юности. Но теперь они не узнали друг друга. Каждый провозглашал себя сыном своего отца и

отказывался признавать других. Время и климат, беды и потворство своим слабостям сделали свое дело, и облик братьев изменился.

Поскольку они были так сильно настроены друг против друга, и каждый пытался узнать других братьев по фигуре, бороде, цвету кожи и манере разговора – в чем они сильно переменялись, многие месяцы ни один из братьев не позволял другим распечатать письмо, оставленное их общим отцом, в котором содержался ответ на возникшую проблему и инструкции, завершающие их обучение.

Отец, в своей великой мудрости, предвидел все это. Он знал, что пока братья не осознают, как сильно они изменились, им не удастся продвинуться в своем обучении. В данный момент положение таково, что двое из братьев признали друг друга, но пока только условно. Они вскрыли письмо и стараются переварить возможность того, что принимаемое ими за основу, – в том виде, в каком они этим пользуются, – на самом деле, суть ничего не значащие внешние формы; то, что в течение долгих лет они считали краеугольным камнем своей значимости, может оказаться тщетными и теперь уже бесполезными иллюзиями.

Двое других братьев, наблюдая за ними, недовольны, что те, вследствие своего опыта, меняются в лучшую сторону, и потому сами они не собираются последовать их примеру.

Три брата, которые ушли в неизвестные места, еще не вернулись к месту встречи.

Что же касается первых четырех, пройдет некоторое время, прежде чем они сумеют по-настоящему осознать, что именно средства, обеспечившие их выживание во время изгнания, – внешние реалии, которые они считают важными, – стали преградами к их взаимопониманию.

Они все еще очень далеки от знания.

Введение к истории «Сундучки с золотом»

Огромные запасы ценнейшего знания спрятаны в литературе и в самых разнообразных традиционных сказаниях. Сегодня они известны как басни, народные сказки, легенды и т.д.

Этот вид философской литературы придает вещественность учению, воплощая человеческие тенденции в образах героев подобных рассказов.

Знакомясь с систематической расстановкой ментальных взаимоотношений, представленной в иллюстративных примерах, люди могут научиться тому, на что иначе ушли бы годы наблюдений или внутреннего изучения.

Учения эти были искажены авторами, которые переработали сказания в стилистические произведения или литературные рассказы, полагая, что таким образом они только улучшили их. Ценность сказаний утрачивается также, когда их воспринимают на еще более низком уровне. Таким примером может послужить история, в которой осталась только мораль.

В нашей программе обучения мы восстанавливаем уже размытую структуру, а также подчеркиваем, что необходимо знать саму историю, а не только ее легкодоступные и по существу, поверхностные смыслы.

Отнеситесь к этой истории, а также к другим историям этой книги, как к своей собственности, и, мало по малу, когда истории, благодаря своей функции, повлияют на ваше понимание, они станут для вас более полезными.

Сундучки с золотом

Жил однажды богатый купец, который, отправляясь в далекое путешествие, решил доверить все свои деньги управляющему.

Один хитроумный и нечестный человек, подслушал, как купец говорил управляющему: – Я оставляю все свое имущество на твое попечение. В кладовой стоят сто сундучков золота. В каждом сундучке – сто монет. Хорошенько присматривай за ними, пока я не вернусь.

Ловкач навязался к приказчику в знакомые, и они частенько стали проводить время за чашечкой кофе.

Однажды хитрец сказал:

– Я, в некотором смысле, – алхимик. Если бы мне удалось достать настоящую золотую монету, я смог бы превратить ее в две.

Поначалу, хранитель сундучков не верил ему, но спустя какое-то время все же поддался соблазну поставить эксперимент по размножению монет и воспользоваться для этого небольшой сумой из денег своего хозяина.

– Ты всего лишь берешь займы, – убеждал его мошенник. – Кроме того, сидя здесь, в кофейне, ты даже не выпустишь монеты из своих рук. Если золото не приумножится, скажи, что ты теряешь?

И вот управляющий дал окончательное согласие.

Он принес монету из хозяйских запасов и опустил ее в хитроумный ларец «алхимика». Когда они открыли крышку, внутри оказалось две монеты.

Воодушевленный этим опытом, а также добавочной золотой монетой, которую алхимик тут же и подарил ему, управляющий поинтересовался, можно ли повторить процесс.

– Разумеется, – сказал ловкач. – Однако и тут есть правила. Во-первых, ты должен взять по одной монете из каждого сундука, сколько бы их у тебя ни было и принести их сюда.

Тот выполнил все, как было велено, и, сто монет, одна за другой, превратились в двести.

– Есть еще одно правило, – продолжал умелец, – ты не должен возвращать монеты, использованные для «размножения» в те же сундуки, откуда ты их взял. Достань еще один сундук и сложи эти двести монет туда. Из нового сундука ты затем можешь тратить деньги, пока не закончатся твои сто монет.

Управляющий сделал все, как было сказано. Он начал тратить свою долю и обнаружил, что монеты «двойники» оказались действительно золотыми и принимались в лавках без вопросов.

Никогда в жизни у него не было столько денег, и он стал тратить значительную часть их на выпивку и потакание своим слабостям, подстрекаемый «алхимиком», который нашептывал:

– Как только эта сотня закончится, просто скажи мне, и мы повторим все сначала – но не раньше.

Ко времени возвращения купца, приказчик изрядно пристрастился к выпивке. Купец, лишь только увидев его, воскликнул:

– Ну, какой же ты управляющий?! Да ты, я думаю, спустил все мои денежки!

– Никак нет, – бормотал тот, – я приумножил их.

Купец бросился к своим богатствам, но на первый взгляд не смог обнаружить, чтобы что-то пропало.

В этот момент явился пройдоха и обратился к купцу:

– А теперь верни мне деньги, которые я дал тебе на сохранение.

– Какие деньги? – вскричал купец. – Я вижу тебя первый раз в жизни!

Скандал разрастался, и пришлось вызвать полицейских, которые и препроводили обоих к судье.

– У этого человека находятся мои деньги, которые я доверил ему на сохранение, – сказал вор судье.

– Сколько, вы говорите, там было? – спросил судья.

– Девять тысяч девятьсот пятьдесят монет. По девяносто девять во всех сундучках кроме одного, в котором только пятьдесят монет, – сказал жулик, ибо вел счет всем тратам управляющего.

– Он лжет, и я могу доказать это! – сказал купец. – У меня было сто сундучков по сто монет в каждом, которые я оставил на своего управляющего. В сундучках должно быть десять

тысяч монет или немного меньше, если приказчик крадет у меня. Но там не может быть той суммы, о которой говорит этот человек.

Судья приказал пересчитать золото, и проверка показала, что в сундучках лежит ровно то количество, о котором говорил хитрец. Приказчик был признан неменяемым на почве алкоголизма, и потому его кандидатура в качестве свидетеля не рассматривалась. Владельцем денег суд признал жулика, который стал уважаемым и знаменитым гражданином.

4

Сад

В дни далекой древности, когда наука и искусство садоводства еще не утвердились среди людей, жил был мастер-садовник. Он не только знал все свойства растений, их питательные, лечебные и эстетические достоинства, но ему также было даровано знание Травы Долголетия, и он жил на свете многие сотни лет.

Из поколения в поколение посещал он сады и обрабатывал земли по всему миру. В одном месте он разбил чудесный сад и обучил людей уходу за ним и даже преподавал им теорию садоводства. Но, привыкнув к тому, что некоторые растения давали всходы и цвели каждый год, люди вскоре забыли, что другие растения нуждаются в сборе семян, что некоторые размножаются черенками, другим необходим дополнительный полив и так далее. В результате сад постепенно одичал, а люди стали считать его наилучшим садом, какой только возможен на земле.

Мастер-садовник предоставил им множество возможностей научиться, но так как ни одной из них они не воспользовались, он, в конце концов, прогнал их и нанял другую группу работников. Он предупредил их, что если они не будут содержать сад в порядке и изучать его методы, то пожнут то, что заслужили. Но и эти люди тоже забыли его наказы и, будучи от природы ленивыми, ухаживали только за теми плодовыми растениями и цветами, выращивание которых не требовало особого труда, все же остальные растения по их недосмотру погибли. Время от времени, к ним приходил кто-то из первых учеников и говорил:

«Вам следует делать то-то и то-то». Но их прогоняли прочь с криками: «Мы не станем вас слушать, вы из тех, кто отошел от истины в вопросе садоводства».

Но садовник-учитель не отступал. Где только мог, он закладывал новые сады, однако все они были далеки от совершенства, за исключением того, за которым ухаживал он сам со своими главными помощниками. Когда стало повсеместно известно, что на свете существует много садов и даже множество методов садоводства, люди из разных садов стали посещать друг друга, чтобы выразить своим коллегам одобрение или раскритиковать их, или вступить с ними в спор. Садовники принялись писать книги, съезжаться на встречи, присваивать себе различные ранги, отражающие, по их представлению, степени превосходства в садоводческой науке. Как это вообще свойственно всем людям, трудности садовников по-прежнему состоят в том, что они слишком легко увлекаются внешней стороной вещей. Они говорят: «Мне нравится этот цветок», – и хотят, чтобы он нравился каждому. Но цветок этот, несмотря на свою привлекательность или плодовитость, может оказаться сорняком, который душил другие растения, – лекарственные или пищевые, необходимые для поддержания и сохранения и людей, и сада.

Среди этих садовников есть такие, кто предпочитает растения какого-то одного определенного цвета. Их они называют «хорошими». Другие заботятся только о растениях, отказываясь следить за дорожками, воротами и даже оградами.

Когда, в конце концов, древний садовник умер, он оставил человечеству завершённое знание о садоводстве, распределенное среди людей, понимавших его в соответствии со своими способностями. Таким образом, как наука, так и искусство садоводства, наподобие разделенного наследства, запечатлелись в многочисленных садах, а также в некоторых сообщениях о них.

Воспитанникам того или иного сада настолько глубоко внушали как следует и как не следует членам их сообщества смотреть на вещи, что несмотря на все их усилия, они просто не в состоянии осознать всей важности возвращения к исходной идее «сада». Они, в лучшем

случае, лишь допускают, отвергают, откладывают решение, или ищут то, что их воображению кажется общими факторами.

Конечно, время от времени в среде этих людей появляются и подлинные садовники. Но на свете развелось так много полусадов, что слушая описание истинного сада, люди заявляют: «О, да! Вы говорите о таком саде, какой у нас уже есть, или какой мы представляем себе». Но и имеющиеся, и воображаемые ими сады – все несовершенны.

Истинные знатоки, не в состоянии переубедить псевдосадовников, зато они объединяются между собой и вносят в тот или иной сад что-то из общего фонда, что позволяет каждому конкретному саду сохранять, до некоторой степени, свою жизнеспособность.

Они часто вынуждены прибегать к маскараду, ибо люди, желающие у них учиться, редко осознают, что садоводство – это искусство или наука, лежащая в основе всего, что им доводилось слышать раньше. Так, они задают вопросы типа: «Как мне на этом луке получить более красивый цветок?»

И все же, подлинные садовники могут работать с такими людьми, потому что иногда удается оживить истинные сады на благо всего человечества. Сады эти не сохраняются надолго, но только благодаря им знание садоводства может быть по-настоящему изучено и усвоено, и люди получают возможность прийти и увидеть, что такое сад на самом деле.

Десять пунктов для размышлений

1. Вещи, внешне противоположные друг другу, внутренне могут работать сообща.
2. Человек может оценить определенные вещи или вынести о них правильное суждение только в том случае, если он или она прошли через необходимый для этого опыт.
3. Измерения, отличающиеся от знакомых нам измерений, подчинены ритму, который представляется нам эксцентричным.
4. Когда нечто высокое выражается низким языком, оно может потерять свою эффективность.
5. Все системы временны, они выполняют функцию носителей. Лишь невежество толкает нас на попытки превращать систему во что-то постоянное или имеющее самостоятельную цель.
6. Люди повсеместно игнорируют ошибки, совершенные ими в мышлении и в действии, даже когда им предоставляют правильный и сугубо конкретный обучающий материал.
7. Первая цель групп и студентов состоит в подготовке почвы, для того, чтобы опыты высшего порядка могли быть пережиты. Если почва негодная или инертная, то и действия, произрастающие на ней, окажутся неэффективными.
8. Правильное мышление в неподходящей компании, неправильные действия в хорошей компании, неподходящая компания в правильное время – вот типичные причины, по которым человечество лишилось многих своих возможностей.
9. Вам совершенно бесполезно сравнивать сегодняшние формулировки учения с прошлыми.
10. Литература, концепции, упражнения, так же как сенсорные импульсы, имеют особые функции. Они должны изучаться с такой же осторожностью, как и все, что имеет комплексное воздействие.

Требования, Выдвигаемые изучением

1. Изучение идей, беседы, и размышления на тему изучения, все это должно быть уравновешено практикой, выполняемой в правильное время. Взаимообмен между членами группы должен включать упражнения так же, как и чтения, вопросы и все остальное, что прописано для выполнения.

2. Группа подбирается, а члены ее гармонизируются согласно некоторому плану, который значительно выше, чем встреча какого-то числа людей, которым просто захотелось собраться.

3. Учебные процедуры, прописанные отдельным людям и группам, должны выполняться только этими индивидами и группами. Любой фиксированный образец идей или практик, применяемый ко всем группам или индивидуумам, превратится в «натаскивание» вместо того, чтобы привести к «развитию».

4. Именно школа устанавливает то, что должно изучаться, содержание и форму изучения, а также метод такого изучения. Сами студенты и группы не участвуют в принятии этих решений.

5. Интегральной частью изучения является понимание человеком того, что определенные элементы его обучения, (идеи, формулировки, объекты и упражнения) могут быть знакомы группе или ее членам, но их реальная функция, ради которой мы их прописываем – им не знакома. Стало быть, необходимо осознать, что, например, символ в нашей системе не используется для обуславливания;² что литература может иметь самые разные применения – не только как средство передачи догм или определенной информации.

6. Подготовка к изучению столь же важна, как и само изучение. Вообще говоря, мы находим, что люди (с которыми обычно имеем дело) не достигли того состояния, когда могли бы тут же воспользоваться преимуществами изучения в третьей области.³

Прежде всего, им необходимо отучиться от некоторых привычек. Эти их привычки относятся ко второй области.

7. Определенные принципы и практики могут быть применены к повседневной жизни, но делать это следует с чрезвычайной осторожностью, им необходимо следовать согласно предписанию, а не просто наобум. Люди, к тому же не способны самостоятельно решать где, когда и как применять эти принципы в своей повседневной жизни. Если последнее все же имеет место, то подобные попытки отбросят их во вторую область.

8. Цель учения в его настоящей фазе – представить, сконцентрировать и по возможности поддержать оперативность обучающей системы, которая в данной культурной среде до настоящего времени не была представлена. Это осуществляется в собственном формате самого учения, во времени, им продиктованном, и посредством его собственных импульсов.

9. Цель учения в том, чтобы сделать доступными для людей средства, с помощью которых они могут больше узнать о себе – наделить их способностью понимать, что именно они в состоянии сделать, кем могут стать и почему. Это учение посвящено тому, чтобы предоставить человеку возможность развиться до высшего уровня, который в обычной жизни переживается им лишь проблесками.

10. Данное учение нельзя изучать фрагментарно или, опираясь на предвзятые представления. Чтобы добиться необходимого результата, нужно следовать учебному курсу, во всей его целостности. Если студент выделит отдельные части данного учения и попытается системати-

² В данном случае термин «обуславливание» может отсылать нас, помимо прочего, к механическим ассоциациям, которыми мы пользуемся для идентификации тех или иных вещей или символов. Прим. русского переводчика.

³ См. приложение: Притча о хлебе, стр. 213.

зировать их, опираясь на доступный ему интеллект, то фрагменты учения, составляющие часть единой программы, обязательно отбросят студента назад, во вторую область.

11. Студенты, если они не примут в расчет время, которое необходимо посвятить нашим занятиям, лишатся многих элементов, предназначенных наделить их способностью оценить это учение. Соответственно, им следует возвращаться к ознакомлению с теми частями учения, которые они проигнорировали в начале учебы из-за своей неспособности их опознать. В этом и кроется причина того, что учение не может быть представлено в узнаваемой систематической манере. Студенты лишены необходимого органа, способного сразу воспринять систему, лежащую в основе учения.

12. Обязанность учителя – произвести конкретные и эмпирические факторы, которые обеспечат студента способностью понимать и использовать учение.

13. Работа, проводимая в настоящее время, осуществляется на основе вышеперечисленных принципов.

Мнение и факт

Пять неизвестных фактов

К этим пунктам нужно отнестись с особо пристальным вниманием, чтобы теоретически они стали так же знакомы нам, как и большинство известных идей.

1. Все студенты должны осуществлять функцию каналов, а именно, они должны передавать свое знание. Данная функция проявляет себя двумя путями:

◆ Передача точных сведений (фактов), когда есть такая необходимость.

◆ Передача посредством «Прямой Трансляции» – выражается в благорасположенности студента или в его способности отражать изучаемые вещи, вне зависимости от того, понимает он их или нет.

Интерпретация не является функцией канала.

2. Индивидуумы или группы вовлечены в учебный процесс с тем, чтобы что-то в них могло получить развитие. В этом и состоит усилие к преднамеренной эволюции. Такие люди и группы могут ожидать также, что когда они будут в правильном созвучии с работой, знание определенного характера может быть передано им непосредственно из источника знания.

3. Мы должны подчеркнуть здесь следующий факт: место, время и люди являются весьма важными принципами. Терпение, культивируемое как добродетель в большинстве религиозных формулировок, на самом деле, первоначально практиковалось для того, чтобы избавиться от бесполезных мыслей и действий на стадии, когда люди не осознают, что имеют значение именно благоприятные обстоятельства, а не упорные усилия, озабоченность и т.д. Несоблюдение этого принципа открывает дверь для вторжения болезни, симптомы которой проявляются в том, что люди воображают, будто их эмоциональное состояние и есть религиозная вера.

4. Если вы изучаете или знакомитесь с предписанными материалами, вы тем самым уже перешагнули черту и находитесь по ту сторону беспорядочного изучения. Теперь вам не следует смешивать оба эти вида изучения. На самом деле вы можете навредить себе, если, находясь на стадии обучения в третьей области, станете самостоятельно выбирать для себя учебные материалы.

5. Поставить себя внутренним волевым усилием в непосредственное отношение к учению и учителям, значит поспособствовать прямой передаче знания. Всегда помните, что одержимость личностью как источником информации, ошибочна. Специализация в определенных занятиях отличается от одержимости этими занятиями. Чтобы преодолеть данные препятствия, необходимо искать точные инструкции путем приложения непосредственных усилий, а не увеличивать изучение книг или упражнений потому только, что вы обнаружили их в нашей сфере, не зная заранее их специфического использования. Учителя существуют для того, чтобы помочь студентам не отклоняться от прямого пути.

Роль упражнений и техник

Религиозные, психологические и философские техники (такие как: молитва, упражнения, медитации, созерцания, физические движения, речитативы и т.п.) имеют свое начало.

Таким началом является источник знания, который учитывает, какая техника, кем и каким образом примененная, какой будет иметь эффект.

Если это так, а мы утверждаем, что так оно и есть, то становится ясно, что случайное применение этих техник вряд ли даст желаемый результат.

Действительность еще более сурова. Выбор технических приемов и упражнений на абум не только не ведет к желаемому результату, но даже более того: их применение в неправильном порядке, не соответствующем той или иной общине, или в неправильное время, или путем натаскивания – фактически «обуславливает» (дрессирует) людей вести себя подобно автоматам.

Если первую ссылку (на источник знания) не так-то легко доказать, то уж второе утверждение (касающееся обуславливания) вполне поддается подтверждению. Подвергая произвольное людское собрание упражнениям, в полной уверенности, что они принесут «неотвратимые» результаты, вы вселяете в людей веру, что эти результаты уже происходят, и обуславливаете их веровать.

Автоматическое применение обучающих программ с мыслью, что эти программы имеют универсальное применение, свидетельствует о деградации обучающей системы. Люди всегда копировали то, чему их обучили только частично, или то, что они подсмотрели у других, напрочь забывая о необходимости сознательного руководства в этой работе.

Вот почему растет свалка «систем». Каждая из них когда-то представляла ценность, но ни одна из них не была универсальна.

Человек, знающий первооснову упражнений и подобных вещей, способен сразу же установить природу общины, для которой первоначально данные упражнения были прописаны, и делает он это, просто наблюдая характер упражнений. Слишком часто, однако, случается так, что люди следуют формулировкам, которые принадлежат другим, чуждым им культурам (и были «импортированы» в их культуру, а не введены посредством разумной адаптации) или изучают техники, которые годятся скорее для их предков или прародителей.

В каждой эпохе задача тех, кто знает происхождение и функцию упражнений и прочих процедур, состоит в том, чтобы подходящие формулировки были предложены заинтересованным людям. На пути их усилий неизменно встают изношенные формы, которые в глазах почитателей древностей и обычаев всегда окружены ореолом святости.

Существует и другое непонимание, которое традиционно усиливало невежество людей в отношении гибкости упражнений и техник: состоит оно в буквальном применении относительной истины. Когда классу учеников или отдельному человеку сообщают: «Это упражнение самое важное, самое существенное, единственное в своем роде и т.д.», то так говорится для того лишь, чтобы зафиксировать внимание ученика на этом упражнении, а не для того, чтобы он принял эти слова буквально и поспешил сделать вывод, что волшебный ключик, наконец-то, у него за пазухой.

То, что для одного – волшебный ключик, для другого может оказаться жерновом на шее.

Поэтому долг студента состоит в следующем:

1. Отметить, что заявление относительно упражнений является функциональным, а не каким-то непререкаемым символом веры.

2. Осознать, что та или иная деятельность может считаться абсолютно верной только в одном смысле – она должна осуществляться так, как если бы на данный момент это было самым важным делом.

3. Стараться не смешивать изучение, осуществляемое под руководством, со случайным изучением по собственному почину – без соответствующего на то разрешения.

4. Помнить, что то, что помогает на одной стадии, может стать препятствием на другой.

5. Помнить, что то, что помогает ему, может помешать другим.

6. Помнить, что то, что помогает или мешает другим, в то же самое время, в каком-то другом месте, или в другое время и т.д., может помочь или помешать ему.

Таковы некоторые из причин, по которым изучение должно проходить под руководством.

И, наконец, руководство получаемое студентом отнюдь не всегда, будет соответствовать его воображению о том, каким оно (руководство) должно быть, и его представлениям о том, как оно должно выглядеть.

5

Девять важных пунктов

1. Человеческое существо, как и все остальное, вовлечено в некий непрерывный процесс. Вследствие того, как человек смотрит на вещи, он осознает только часть этого процесса. Жизнь часто кажется ему не имеющей смысла и виной тому несовершенство его восприятия. Определенные индивидуумы и группы людей на протяжении всей истории теми или иными путями приходили к осознанию взаимосвязанности существования. Дело жизни этих людей, — как в прошлом, так и в будущем, — есть демонстрация того, как этот смысл жизни может быть испытан и другими людьми.

Чтобы позволить другим людям прийти к пониманию, «вырасти» и достичь определенной реализации, эти более информированные индивидуумы всегда обеспечивали других необходимыми средствами. Средства эти, включающие техники психологического характера, имеют как внешнюю, так и внутреннюю функцию. Внешняя оболочка учения в форме философских школ, религий и всевозможных культов всегда была приспособлена к нуждам и возможностям культуры, времени и месту, в которых эта «работа» осуществлялась. Каждой культуре (как гласит изречение, излагающее этот принцип) было дано учение, спроектированное таким образом, чтобы наделить подходящих студентов способностью развиваться. По завершении процесса внешняя форма в виде ритуалов, религии, как она обычно понимается, и специальных методологий продолжала длить свое существование в без конца повторяющейся деятельности. Такого рода выживаемость подобна долготелию панциря куколки, отброшенного вылетевшей бабочкой, или же капсуле, которая некогда содержала лекарство.

Не осознавая фактора «приспособления» или того, что учение существует в особом транзитном и временном формате, непросвещенные люди продолжали взаимодействовать с поверхностной оболочкой. Быть может, они полагали, что следуя внешнему традиционализму, они и в самом деле продолжают то, что некогда было их религией или культом.

Не исключено, что им казалось, будто при соответствующих усилиях они и впрямь смогут извлечь кое-что существенное из горы материалов, доставшихся им по наследству.

В некоторых же случаях они были настолько бессовестны, что использовали ритуалы, внешние атрибуты и терминологию просто для того, чтобы заставить общество обслуживать себя. Но какова бы ни была причина, материалы, над которыми они трудились в этой ситуации, всегда заменялись и по сей день заменяются на новые в ответ на постоянно возобновляющуюся потребность заново сформулировать внутреннюю нужду, и только это составляет реальное учение, «работу».

Поскольку человеческая способность к вниманию довольно ограничена, необходимо предоставить людям эти факты с тем, чтобы индивидуум, желающий учиться, мог перестать тянуться к тем или иным старинным упаковкам для посланий, а использовал бы свое внимание более продуктивно, протянув руку к живой форме учения.

2. Необходимо ясно и безотлагательно провести разделяющую черту между связью с живой, развивающейся формой человеческой эволюции и обыкновенной мимикрией. Человек не обязательно виновен в том, что был натренирован концентрироваться на пантомиме и бесконечных повторах в психологическом или религиозном культе, которому он следует. Но как только он проинформирован о вышеприведенных фактах, с этого момента его долг, если он собирается выйти за пределы своего нынешнего состояния — попытаться возратить себе гибкость, украденную у него догматизмом.

Долг учителя – проинформировать таких людей, тех, кто находится с ним в контакте, о насущном факте, что коль скоро они стремятся совершить истинное усилие, направленное на самореализацию, им придется признать, что внешняя форма самореализации должна опираться на новую основу, приспособленную к людям, времени и месту.

Его долгом является также уведомить таких людей, что как только это заявление сделано, изменение в них уже произошло. Эффект этого изменения можно описать как то, что у оповещенных таким образом людей пробуждается чувствительность друг к другу, к этой деятельности и к учителю, что превращает их всех в общину и привносит в их ситуацию тонкий, но существенный основополагающий момент, который теперь связывает их вместе.

3. Далее должно быть заявлено и понято, что никакое усилие в этом направлении не может осуществляться на индивидуальной основе. История хранит сведения о достижениях и чудесах, приписываемых различным людям. Из-за недостатка информации, а также в силу некоторых естественных склонностей, нигде никогда не упоминается тот факт, что определенные достижения есть результат «групповых усилий», в то время как индивидуум, которому эти достижения приписывают, являлся просто живым образцом.

Из-за человеческой склонности к эгоизму самозванный «искатель», будь то мужчина или женщина, прежде всего желает, как он сам часто выражается, самореализации. Необходимо с предельной ясностью заявить, что ни один человек не достигнет длительного истинного прогресса, если бремя этой работы не разделят с ним другие люди. Этим и объясняется, что в некоторых формулировках (учениях) подчеркивается необходимость в человеческом служении или участии в общинном усилии. Из этого также вытекает, что работа на общину или общиной, есть то же самое, что работа на самого себя.

4. В результате поверхностной тенденции искать простых решений, люди, когда хотят избавиться от напряженности, или когда чего-то желают, часто приветствуют голословные заявления, что какая-то единственная и простая техника может быть ответом на их нужду. Это породило явление, когда отдельные индивидуумы или группы людей отобрали одну или несколько технических процедур (такие, как медитация, музыка, движения, упражнения, посты, интеллектуальные усилия и тому подобное) и пытаются применять эти практики, опираясь на свое предположение, что если хорошенько приналечь, то через эти практики может, а то и должен будет произойти прорыв. Такие взгляды основаны на заблуждении, и к таким людям возможно будет с пользой подступиться только после того, как они полностью осознают, что для подобных непросвещенных экспериментов одной человеческой жизни недостаточно.

Поскольку некоторые люди слышаны об успехе через усилие, они ищут усилие, которому готовы посвятить себя. Это могло бы быть приемлемой доктриной лишь в одном случае: если бы подобные индивиды знали свою цель, потому что тогда они были бы способны знать, какие именно усилия им необходимо совершать, когда, где и с кем. Но, как это обычно бывает, поиск сам себя защищает от преждевременных откровений с помощью очень простого средства: люди неправильно к нему подготовленные, неправильно настроенные – не могут достичь чего-либо стоящего.

5. Из-за недостатка знания и неверного толкования того, что им говорят, многие люди верят, что какой-то секретный фактический материал, какое-то утерянное звено даст им необходимый ключ для достижения высшего умственного состояния. Только эксперт, человек, знающий, как отличить ненужное от нужного, может на самом деле «заставить традицию работать». Человек не является инертным существом, которое можно трансформировать с помощью волшебного слова. С другой стороны, применение правильных импульсов и знания в правильное время может произвести самые что ни на есть далеко идущие результаты. Человек способен полностью и окончательно «найти себя» в реальном смысле только тогда, когда факторы, необходимые для этого осуществления, правильным образом сгруппированы. Эти

факторы, как говорят, могут быть найдены «в мире». Их могут применять только те, кто соответствующим образом квалифицированы, как учить, так и учиться.

6. Существует некая параллель тех вещей, которые могут быть обнаружены в «мире», с высшей формой сознания. Как установить уместную параллель и как ее использовать, представляет собой «секрет» учения.

7. Время от времени, возникает почти случайный контакт с формами, в которых проступает параллельность обычной жизни и вещей другого порядка. Этот мимолетный контакт иногда дает человеку проблеск того, что находится по ту сторону. Многие люди пытаются возобновлять подобные проблески, ошибочно веря, что посредством некоторого аккумуляирования таких проблесков, они смогут достичь прорыва. На самом деле, действия такого рода разрушительны.

8. Только что описанная модель мышления своим существованием обязана следующим причинам: у людей недостаточно развито восприятие того, что ум работает в разных областях по-разному; они не способны отличить, что такое знание, что опыт, а что – информация; кроме того, есть несколько других факторов, которые в совокупности делают обычный человеческий ум чем-то в высшей степени неэффективным и запутанным. У тех, кто не находится в контакте с нынешней формой необходимого реального учения, возникают характерные пробелы в развитии сознания, которые лишают их возможности получить необходимый опыт и делают их недостаточно экипированными для того, чтобы правильно обращаться с этим опытом, извлекая из него пользу.

9. Пока человек не обретет эту чувствительность, его мышление будет в высшей степени тенденциозным, находясь под влиянием его собственной субъективности, привычки к ассоциации идей и неспособности заметить качественную разницу между различными импульсами. Единственный путь избавиться от невежества, это изучать данный предмет в том виде и посредством тех материалов, которые здесь представлены.

Заметки о вышеперечисленных пунктах

1. Человеческая способность к вниманию, если внимание правильно сфокусировано, способствует осуществлению возможной трансформации, и такая способность должна использоваться самым эффективным способом. Сделать это могут лишь те, кто владеет совершенным знанием человеческого устройства на основе скрытого паттерна.

Такие люди не только существуют, но и активно вовлечены в эту деятельность.

2. По всему миру людей информируют, что эта «работа» жива, и что они могут занять в ней свое место. Это дает им шанс сгармонизировать себя относительно жизни способом, который прежде был для них невозможен. До тех пор, пока они не готовы признать, что уже сам факт того, что им об этом сообщают, изменяет их ситуацию, они не смогут развиваться.

3. Прогресс в направлении человеческой реализации в сегодняшней фазе Реальной Работы осуществляется только через принадлежность к общине, которая придерживается вышеприведенных принципов.

4. Одна единственная и простая техника может трансформировать человеческое существо, но она должна применяться людьми, знающими, какова ситуация этого человека и какова в целом его связь с общиной, к которой он принадлежит.

5. Есть только один набор обстоятельств, при которых целенаправленное человеческое развитие может иметь место – это правильный набор обстоятельств. Они существуют только в связи с работой, которая здесь описывается.

6. Все, кто сегодня связан с этой работой, находятся в контакте с «мирскими» параллелями, которые дадут им возможность достичь такого высокого развития, на какое они только способны.

7. Масло и вода не смешиваются. Целеустремленному изучению и деятельности не способствует смешивание их со случайной деятельностью, какой бы внешне привлекательной она ни казалась.

8. Часть процесса учиться тому, как учиться, состоит в изучении материалов, таких, как этот документ, которые специальным образом сконструированы для прочтения и получения пользы теми, кто истинно заинтересован в своем развитии.

9. Эта работа в ее реальной и утонченной форме не имеет никакой связи с высоко привлекательными личностями или ритуалами, которые по факту, а не в заявленной теории, лежат в основе несовершенных систем. Работа идет на своих собственных ногах посредством самой себя, не прибегая к костылям сентиментальности или таинственности.

Притча о домохозяйине и гостях

Учитель подобен хозяину дома. Те, кто пытаются изучать Путь – его гости. Они никогда прежде не бывали в домах и плохо представляют себе, что это такое. И все-таки дома существуют.

Когда гости попадают в дом и видят место, предназначенное для сидения, они спрашивают, что это такое. Им отвечают: «Это место, где сидят». Гости рассаживаются на стульях, лишь смутно осознавая назначение стула.

Хозяин развлекает гостей, а они продолжают засыпать его вопросами, подчас не совсем уместными. Он как человек гостеприимный, не ставит им это в упрек. Например, гости хотят знать, где и когда они смогут приступить к еде. Им совершенно невдомек, что они здесь не одни, и что в этот самый момент есть еще и другие люди, которые готовят еду, есть еще и другая комната, где они смогут удобно расположиться и приступить к еде.

Не видя ни еды, ни того, что еда готовится, гости смущены; возможно, они даже не очень-то доверяют происходящему, да и вообще чувствуют себя явно не в своей тарелке.

Добрый хозяин, понимающий все затруднения своих гостей, обязан успокоить их, чтобы, когда придет назначенный час, ничто не препятствовало им насладиться трапезой. Но поначалу они не в состоянии даже приступить к приему пищи.

Некоторые гости быстрее других поймут, что к чему и уловят взаимосвязь вещей в доме. Именно они и смогут помочь своим менее расторопным товарищам. А хозяин, между тем, отвечает на вопросы гостей в соответствии со способностью каждого воспринимать единство и функциональность дома.

Но само по себе наличие дома еще не означает, что он готов к приему гостей и что в нем присутствует хозяин. Кто-то должен активно исполнять роль хозяина, чтобы пришельцы, чувствующие себя гостями, за которых хозяин несет ответственность, могли бы пообвыкнуться в доме. Поначалу многие даже не понимают, что они гости – или, скорее, им неизвестно само понятие «гость» – им неясно, что они в этой роли могут привнести в ситуацию, и что это может им дать.

Гость, имеющий опыт гостевания, уже кое-что знающий о домах и гостеприимстве, в конце концов раскрепощается, и эта позиция позволяет ему лучше понять, что такое дом и многие стороны жизни в нем. Но до тех пор пока пришелец все еще пытается понять смысл дома и запомнить правила этикета, его внимание слишком поглощено этими вопросами, чтобы он мог заметить, скажем, красоту, ценность или назначение мебели.

Есть мнение, что эта высокопочитаемая притча, взятая из «поучений», жившего в XIV столетии Низам ад-дина Авлийа, полезна на разных уровнях. Притча говорит, в частности, о том, что человеку для развития особого высшего восприятия необходимо упорядочить различные функции ума.

К тому же у нее есть цель – в легко доступной для ума форме указать на необходимость суфийской группы и взаимосвязь между ее членами, а также на то, что каждый член группы может дополнить другого.

Дервиши уделяют особое внимание необходимости в расстановке соответствующих факторов в нужном порядке, прежде чем индивидуум сможет получить пользу от групповых усилий.

Притча относится к суфийским произведениям, на которые наложен определенный запрет. Ее нельзя изучать отдельно, и в какое бы собрание историй она ни была включена, ученик, прочитав ее, сразу же должен читать следующий за ней рассказ («Королевский сын»).

Притча не появляется ни в одном из классических произведений, но ее можно обнаружить в личных рукописных тетрадах (журналах) для заметок, которые дервиши носят с собой, и на которые они время от времени ссылаются как на непререкаемый атрибут их занятий в прописанном им курсе обучения.

Настоящий вариант взят из рукописного манускрипта, где значится, что он был дан мастером Амир Саид Кулал Сокхари, умершим в 1371 году.

Королевский сын

Однажды в стране, где все жители были подобны королям жила одна семья, каждый представитель которой чувствовал такое удовлетворение от жизни, а его окружение представляло из себя такое совершенство, что описать это, используя сравнения, известные современному человеку, невозможно.

Казалось, что жизнь в этой стране, называемой Шарк, без всякого сомнения удовлетворяла и юного принца Дхата, пока однажды его родители не сказали ему: «Любимейшее дитя!

По обычаю нашей страны каждый королевский сын, достигнув определенного возраста, должен пройти через испытания. Это необходимо для того, чтобы подготовиться к царствованию и, чтобы, как репутация, так и внутреннее состояние королевича, достигнутые бдительностью и усилиями, подняли бы его на ступень мужества, не достигаемую никаким другим способом. Так было от начала дней, и так будет всегда».

И вот принц Дхат стал готовиться к путешествию, и собрал в дорогу запас еды, находившейся в распоряжении его семьи и родственников. Эта особая пища могла поддержать его на чужбине и, поскольку она занимала очень мало места, ее можно было взять с собой в неограниченном количестве.

Кроме того, его снабдили и другими дорожными припасами, о которых не следует распространяться, правильное их применение обеспечивало их обладателя, можно сказать, полной безопасностью.

Дхат направлялся в страну, называемую Миср, но в своем путешествии он должен был принять совершенно иной облик. Поэтому ему дали в дорогу проводников и вручили наряд, который соответствовал его новому положению и едва ли мог навести на мысль о его королевском происхождении. Цель же путешествия состояла в том, чтобы привести из Мисра драгоценный камень, охраняемый ужасным чудовищем.

Итак, Дхат отправился в дорогу со своими проводниками, которые, сопроводив его до некоей границы и распрощавшись с ним, оставили его одного. Вскоре он повстречал человека, который, как оказалось, выполнял схожую миссию, и оба они, объединившись, были в состоянии сохранять память о своем высоком происхождении. Однако, по прошествии какого-то времени, воздух и пища чуждой им страны навеяли на них некую разновидность сна, и Дхат позабыл о своем задании.

Долгие годы Дхат прожил в Мисре, зарабатывая себе на жизнь, и, по всей видимости, совершенно не осознавая, чем на самом деле он должен здесь заниматься.

Между тем жители Шарка с помощью им одним известного метода узнали, в каком страшном положении находится Дхат, и, объединив свои усилия и используя особые способности, стали делать все, чтобы помочь принцу стряхнуть наваждение и дать ему возможность исполнить свою миссию.

Каким-то хитроумным чудесным способом принцу было отправлено послание, гласившее: «Пробудись! Ведь ты королевский сын и в этой стране находишься только по причине особого задания; возвращение же твое неминуемо, и путь твой лежит к нам».

Дхат очнулся, разыскал чудовище, после чего с помощью особых звуков усыпил его и завладел бесценным камнем.

Затем, повинуясь звуку пробудившего его послания, Дхат облачился в прежние свои одежды и, следуя за звуком, направился в страну Шарк.

За удивительно короткий срок Дхат вернул себе древнюю мантию, страну предков и родной дом. Но теперь, благодаря опыту, ему удалось засвидетельствовать, что страна его несравненно великолепнее, чем он мог видеть это прежде: здесь он был в безопасности. И еще он осознал, что его родина – это то самое место, которое жители Мисра почти неосознанно чтили в своей памяти, употребляя слово «саламат», которое сами они понимали как смирение, но на самом деле, как он осознал теперь, оно означало – покой.

Очень похожую тему можно обнаружить в «Гимне души» из новозаветного апокрифа. Философ Ибн-Сина (умер в 1038 году), известный на Западе как Авиценна, использовал похожий материал в своей аллегории «Изгнание души» или «Поэма о душе».

Вышеприведенный вариант сказания взят из тетради странствующего дервиша, где история эта, предположительно, записана со слов Амира Султана, шейха из Бухары, обучавшего в Истамбуле и умершего в 1429 году.

Трансформация человека

Необходимо отметить, что существует разница между информацией и знанием, редко учитываемая в современном мире. Есть также разница между умом и мудростью.

Человеку важно понять, что всякий механизм может выполнять только те функции, для которых был создан. Катапульта стреляет камнями, но не может сварить яйцо.

Человеческий ум, развитый в определенном направлении, приспособленный для борьбы определенного характера, не был рассчитан для каких-то других целей. В отношении других целей он атрофирован и склонен впадать в одержимость. Итак, применив грубую аналогию, можно сказать, что такой ум работает, как катапульта, а человек норовит с его помощью сварить яйцо.

Человек собирает информацию, чтобы прийти к мудрости, тогда как информация приводит только к еще большей информации. Ум такого рода не способен справиться с вопросами, поставленными самым обыкновенным человеком самому себе: «Кто я? Куда я иду? Если я вообще иду куда-то, то в чем цель жизни, и есть ли у нее какая-то цель? Почему я чувствую себя несчастным и ощущаю свою незавершенность? Чтобы до конца разобраться в моей ситуации, как мне преодолеть преграду, которая, как я чувствую, стоит между мной и другим видом знания?»

Как правило, ум лишь иногда и то, на короткое время, может достичь некоторой объективности. Чтобы противостоять многим ситуациям, он обрел в определенном отношении достаточную стабильность. Эта стабильность и делает возможным существование цивилизации. Но такой ум не научился еще работать в более широкой сфере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.